

## Место и роль культуры и лингвокультуры в культурной идентификации и самоидентификации

В.В. Красных

В рамках разрабатываемого подхода **культура** понимается (вслед за В.Н. Телия) как «мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» [Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 222], т. е. как **мировидение, миропонимание, мироощущение и мироосознание некоторого сообщества** (применительно к русской культуре мы говорим о национально-лингво-культурном сообществе). Иначе говоря, культура предстает как обладающая семиотической природой совокупность представлений (в широком смысле), в которых так или иначе отражается и закрепляется то, как представители данного сообщества видят, ощущают, оценивают, осознают, понимают, интерпретируют, объясняют (в первую очередь для себя) окружающий их мир. Эта совокупность обладает способностью, с одной стороны, трансформироваться и изменяться, с другой – воспроизводиться и сохраняться. В любом случае она поддается транслированию как синхронно (между современниками), так и диахронно (межпоколенно). Следовательно, культура может рассматриваться и как «надындивидуальный механизм **хранения и передачи** некоторых сообщений (текстов) и **выработки** новых» (выделено мною. – В.К.) и может пониматься как **пространство некоторой общей памяти**, т. е. такое пространство, в пределах которого могут сохраняться, актуализироваться и в определенном смысле воспроизводиться общие тексты, общие феномены, общие смыслы [Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992. Электронный ресурс] (ср. с идеей А.Н. Леонтьева об общих компонентах образа мира, которые, не отрицая изначальную его субъективность, предопределяют вместе с тем объективный его характер).

В нашей повседневной практике культура скорее «иррациональна», нежели «рациональна». Вместе с тем в случае необходимости мы можем отрефлексировать это «пространство общей памяти», эту совокупность представлений, иначе говоря – культуру. Правда, это всегда требует определенных усилий. Формируясь в нас в процессе социализации, культура формирует нас как личность. Она пронизывает все наше бытие, но при этом зачастую не замечается нами, как не замечается нами воздух, которым дышим. Но как только меняется состав воздуха, мы тут же фокусируем на этом внимание и пытаемся понять причины изменений. Так же и культурой, которая ощутимо проявляется и становится заметной для нас в том случае, когда мы сталкиваемся с иным, другим, чужим и – тем более – чуждым. Частично это связано с символической природой культуры, обусловленной тем, что в процессе общения люди обмениваются знаками, за которыми стоят смыслы, открытые для своих и закрытые для чужих [Лотман Ю.М. Указ. соч.].

Следовательно, мы имеем две важнейшие **функции культуры: конгломерирующую** (объединяющую «своих») и **дифференцирующую** (отграничивающую «своих» от «иных – других – чужих»).

Далее, культура задает нам определенную систему ценностей, оценок, ценностных установок и под., в том числе «поставляет» нам санкционированные сообществом паттерны поведения (что делать допустимо / недопустимо, возможно / невозможно, желательно / нежелательно, обязательно / необязательно; что достойно / недостойно и т. д.). И в этом проявляется еще одна, не менее важная функция культуры – **легитимирующая** («узаконивающая», придающая феномену статус признанного / принятого / достойного, оправдывающая и утверждающая его необходимость). Иначе говоря, культура обеспечивает нас, с одной стороны, системой эталонов (аксиологическая ипостась легитимирующей функции) и совокупностью паттернов – с другой (регулятивная ипостась легитимирующей функции культуры).

Из данных функций естественным образом вытекает еще одна – *идентифицирующая* (зд.: устанавливающая принадлежность кого-либо или чего-либо данному сообществу; например, либо «я / ты свой, это наше», либо «я / ты иной / другой / чужой, это не наше»). Благодаря данной функции возможна культурная идентификация и самоидентификация личности, а также культурная идентификация того или иного феномена (в самом широком смысле: от предмета до события). Под *культурной идентификацией личности* в данном случае имеется в виду *«опознавание» личности как представителя некоторого сообщества*. При этом возможно либо определение места личности на шкале «свой – чужой», либо приписывание личности той или иной культурной принадлежности. При этом крайне важным оказывается целый ряд факторов (от паттернов поведения до ценностных установок личности), среди которых далеко не последнее место занимает язык (вспомним Э. Сепира: «он говорит, как мы, значит, он наш»). **Культурная самоидентификация** понимается как *определение личностью своей принадлежности тому или иному сообществу*. Следует отметить, что культурная идентификация и культурная самоидентификация могут как совпадать, так и не совпадать. **Культурная идентификация феномена** может рассматриваться как *определение принадлежности конкретного феномена той или иной культуре, некоторому сообществу, в том числе возможно и **расположение данного феномена на шкале «свой – чужой»***.

Список функций культуры, конечно же, не исчерпывается указанными функциями, но в данном случае для нас оказываются принципиально важными именно они: ***конгломерация, дифференциация, идентификация, легитимация***.

Таким образом, культура – это то, что творит нас и творимо нами, то, что постоянно воспроизводится человеком и в человеке, то, что постоянно и изменчиво, то, что неосознаваемо и в то же время рефлексировуемо, то, что лежит в основе (в данном случае – культурной) идентификации и самоидентификации личности.

Что касается *лингвокультуры*, то она понимается как ***культура воплощенная и закрепленная в знаках языка, явленная нам в языке и через язык***. Лингвокультура является лингво-когнитивным феноменом (в отличие от языковой картины мира, рассматриваемой как сложно устроенное семантическое пространство, т. е. как феномен лингвистический). Лингвокультура (в отличие от языковой картины мира) формируется не знаками языка, за которыми стоят некоторые смыслы, но образами сознания, облеченными в языковые знаки. Ее «семантика» – это культураносные смыслы, овнешненные в знаках языка. Можно ли сказать, что лингвокультура «равна» языковому сознанию? (Если так, то нет смысла вводить данный термин и обосновывать данное понятие.) Нет. Ибо языковое сознание включает в себя опосредованный значениями (индивидуальный) образ мира во всем его объеме, а лингвокультура – ***только общие компоненты образа мира***, т. е. то, что формирует «объективную составляющую» такового, а это, как известно, всегда культурно-маркировано и культурно-обусловлено, поскольку диктуется средой, окружением, в котором формируется образ мира, а именно: культурой. Следовательно, лингвокультура может мыслиться и как основная среда, в которой человек формируется и проявляет себя как личность.

Далее. Как известно, основным содержанием процесса социализации является межпоколенная трансляция культуры, при этом социализация происходит всегда в коммуникации, а коммуникация осуществляется всегда на некотором языке в условиях некоторой культуры. Основным, хотя и не единственным, каналом социализации по праву считается язык. Не требует доказательств и тезис о том, что язык и культура связаны отношениями двунаправленной зависимости. В свете сказанного думается, что есть некое «пространство общей памяти», закрепленной именно в знаках языка и опосредованной языковыми значениями, т. е. некоторое пространство, где пересекаются / накладываются друг на друга язык и культура, где ***культурные смыслы явлены нам только в знаках языка, а знаки языка выступают***, как писала В.Н. Телия, ***только как тела для знаков языка культуры***. Это пространство и есть лингвокультура, претендующая, как представляется, на статус

третьей самостоятельной системы (наряду с языком и культурой). Исходя из этого, позволю себе экстраполировать идею В. фон Гумбольдта на культуру и лингвокультуру и скажу, что человек сплетает внутри себя не только язык и вплетает себя не только в язык, но в культуру и лингвокультуру. А это значит, что язык, культура и лингвокультура стоят за всеми проявлениями жизнедеятельности человека.

При предложенном понимании лингвокультуры совершенно очевидно, что она выполняет те же **функции**, что и собственно культура: *конгломерирующую, дифференцирующую, легитимирующую и идентифицирующую*.

В основе культурной идентификации и самоидентификации могут лежать разные феномены. Если рассматривать культурную *идентификацию и самоидентификацию личности* (*Homo Loquens*), то они предполагают выявление культурной идентичности с учетом (в том числе, а может быть, и в первую очередь) идентичности лингвокультурной, в основе которой лежит **культурно-языковая компетенция** (по В.Н. Телия), т. е. умение *кодировать в знаках языка и декодировать культуроносные смыслы*, умение видеть за знаками языка единицы языка культуры и лингвокультуры. Если в фокус внимания поставить *культурную идентификацию феномена* (предмета, события и под.), то принципиально важными оказываются его (феномена) свойства, признаки, качества, которые соответствуют или не соответствуют бытующим в данной культуре представлениям о должных / наличных свойствах, признаках, качествах феноменов данного типа. Если же подходить с точки зрения *культуры и лингвокультуры*, то культурная идентификация и самоидентификация личности базируется на единицах культуры и лингвокультуры, а также на функциях, которые выполняют как данные единицы, так и культура и лингвокультура в целом. Определяющая роль при этом принадлежит словарю и грамматике лингвокультуры. При этом **словарь лингвокультуры** есть *оязыковленные культурные смыслы и образы*, а **грамматика** таковой – *таксоны (базовые классы единиц), их категории, система, структура, отношения и функционирование*.